

ФИЛОСОФИЯ

УДК 159.9.01

ФУНКЦИЯ СМЕРТИ В БЕССОЗНАТЕЛЬНОМ: Ж. ЛАКАН О ТЕОРИИ З. ФРЕЙДА

П.Ю. Алексеев

Саратовский государственный технический университет
E-mail: bjum@mail.ru

В статье рассмотрена функция смерти в бессознательном на основе сравнительного анализа теорий З. Фрейда и Ж. Лакана. В данном контексте смерть рассматривается как множественная и повторяющаяся, включенная в символический порядок обмена означающими. Сделан вывод о том, что способ, каким субъект обретает свою смерть, полностью определен тем порядком означающих, в котором функция смерти присутствует как один из модусов отношений субъекта к Другому.

Ключевые слова: субъект, бессознательное, влечение смерти, Другой, Реальное, означающее, желание, фантазм, Лакан, Фрейд.

Function of Death in the Unconscious: J. Lacan's Interpretation of the Theory of Z. Freud

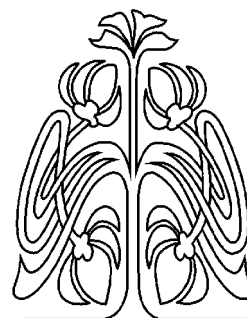
P.Yu. Alekseev

In this article the function of death in the Unconscious on the basis of the comparative analysis of theories of Z. Freud and J. Lacan is considered. In this context the death is considered as plural and repeating, included in a symbolical order of an exchange by the signifiers. The conclusion is drawn that a way what the subject finds the death completely is certain by that order of the signifiers at which death function is present as one of ways of relations of the subject to the Other.

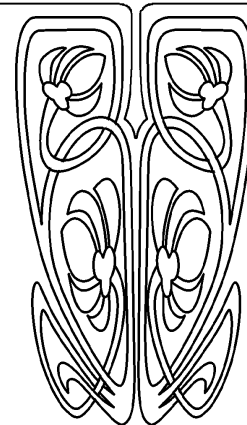
Key words: subject, unconscious, death drive, Other, Real, signifier, desire, phantasm, Lacan, Freud.

С самого начала перед психоанализом стояло два основных вопроса: «чего?» желает человек и «откуда?» он желает. Представление Ж. Лакана о «зияющем» субъекте придает этим вопросам совершенно новое онтологическое измерение. Выражаясь в терминах традиционной телеологии, причина, субъект, объект и цель совпадают, не обнаруживая при всем этом никакого единства. Можно сказать, что то, чего желает человек, то, к чему ведет бесконечный поиск наслаждения, есть не восполнение изначальной нехватки, не заполнение этого «зияния», а то, что можно назвать повторением собственной смерти. Подобная специфичность «влечения к смерти» позволяет говорить о «множественности» смерти. Ж. Лакан на примере творчества де Сада говорит о двух типах смертей: «первой» и «второй», «символизированной» и «абсолютной». И хотя лакановская интерпретация функции смерти вовсе не противоречит классической теории З. Фрейда с ее дуализмом влечений, тем не менее у Ж. Лакана функция смерти уже не нуждается в оппозиции функции наслаждения. Более того – наслаждение «от жизни» становится вторичным по отношению к наслаждению «от смерти». Смерть становится возможна только как желаемая.

З. Фрейд в работе «По ту сторону принципа удовольствия» придает смерти атрибутивное значение внутреннего побуждения, исходящего изначально из психики, которое, в свою очередь, пробуждается внешними стимулами. Согласно З. Фрейду, все жи-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

вые организмы умирают в силу внутренних причин, т.е. смерть осуществляется путем прекращения активности, имеющей внутренний источник, смерть больше не осуществляется внешними силами, скорее она активируется внутренними мотивами. Под давлением раздражающих внешних сил влечение становится стремлением или импульсом восстановить себя, его мотивом является возвращение в прежнее недифференцированное состояние как выражение инерции, присущей органической жизни¹. При этом субъект обладает определенной свободой идти к смерти своим собственным путем и собственноручно осуществить свой конец. Этот конец, по сути, является возвращением к началу, возвращением назад, рекапитуляцией к изначальной неорганической безмятежности. Именно поэтому З. Фрейд полагает, что бессознательные силы, проявляющие себя в повторении, в конечном счете, находятся на службе у саморазрушения, понимаемого здесь как желание вернуться в свое оригинальное недифференцированное состояние. Но поскольку толчок к смерти проистекает изнутри, имеется много вариантов, которые может использовать его для завершения работы смерти самыми разнообразными окружными и обходными путями, представляющими собой разнообразные феномены жизни. Несмотря на то, что конечной причиной и конечной целью влечения является смерть, ее отсрочка с помощью осуществления частичных влечений приносит наслаждение. Именно поэтому влечение к смерти лежит «по ту сторону принципа удовольствия»: оно не только предшествует влечению к сохранению жизни, но директивно управляет им как высшая организующая сила. Таким образом влечение к жизни умудряется поставить силу смерти на службу собственным изменчивым эволюционным целям. Само влечение к жизни выступает лишь как необходимое дополнение к первичному влечению к смерти. Система хронификации жизни, побуждающая каждый живой организм к определенному способу хронического снижения напряжения, не есть самостоятельная сила или самостоятельное влечение. Она не направлена против влече-

ния к смерти как одно влечение против другого или как одна сила против другой². Система хронификации жизни тормозит и оказывает сопротивление физиологическим и психическим процессам, которые стремятся максимально быстро достигнуть состояния разрядки не в силу своей динамической, а в силу своей структурной организации.

Влечения к жизни служат организующим началом для «влечений смерти» – такова их основная функция и назначение. З. Фрейд в своих рассуждениях приходит к выводу: смерть на самом деле состоит на службе у принципа удовольствия. В соответствии с законами психической экономии принцип удовольствия представляет собой тенденцию либо полностью освободить психику от возбуждения, либо, как минимум, уменьшить стимуляцию до терпимого постоянного уровня. Следовательно, окончательным условием удовольствия будет состояние, свободное от напряжения, потому что прекращение напряжения означало бы при этом и выполнение и завершение задачи. В этой безличной телеологии бессознательного нет ничего приятнее и желаннее смерти и небытия. Ведь смерть – это состояние, лишенное напряжения, это абсолютный мир. Бессознательное стремится к смерти, а сознание способно выбирать свой собственный путь к саморазрушению. Только данное условие определенной свободы психики в выборе пути достижения своего конца включает смерть в динамический процесс жизни, одновременно содержащий волю к саморазрушению и ограничивающий ее. Так, по мнению Ю. Вагина, у живого организма существует лишь одно влечение – влечение к смерти, стремление избавиться от напряжения, достичь разрядки. Но система хронификации жизни не позволяет организму реализовать это влечение максимально быстро, путем «короткого замыкания», заставляя каждый организм двигаться к смерти своим путем³.

Если у З. Фрейда оппозиция «влечение к жизни – влечение к смерти» еще довольно четко просматривается, то Ж. Лакан даже и не пытается поддерживать эту оппозицию. Для него всякое влечение одновременно – и

сексуальное, и влечение смерти. Кроме того, Ж. Лакан настаивает на частичном характере любого влечения. В теории З. Фрейда частичные влечения в эдипов период собираются под эгидой генитальности в некое целое, и гениталии центрируют сексуальный интерес ребенка. Ж. Лакан в отличие от З. Фрейда настаивает на том, что влечения всегда сохраняют свою частичность и никогда не достигают гипотетически завершенной организации. У него нет никакой полной интеграции влечений, их гармоничного слияния в единое целое. Подобная интеграция невозможна как в случае сексуальных влечений, так и в случае влечений к смерти. И те, и другие сохраняют свою частичность, как в проявлении, так и в объекте, на который они направлены. Разнообразие частичных влечений образует желание, оно входит в символические отношения с объектом, конституируя его.

Ж. Лакана интересует желание как таковое, желание без объекта, так как важны причина и источник его возникновения. Источником желания служит изначальный «разрыв» (Unbegriff) или «”зияние” субъекта, имеющее центральное значение во всем человеческом опыте»⁴. «”Желание” обязывает рассматривать свойство “быть” субъекта только в связи с “зиянием”, являющимся источником любого движения, оживления»⁵. Предполагаемый объект желания непосредственно связан с воображаемым порядком и фантазией, с фантазматическими отношениями желания к символическому порядку Другого. Фантазм – это и последнее доказательство того факта, что желание субъекта – желание Другого, и способ, позволяющий субъекту ответить на вопрос, каким именно объектом он является в глазах Другого, в желании Другого. С точки зрения Ж. Лакана, «именно на этом уровне игра в прятки с собственным Я достигает своей кульминации, и узнать, где же именно оно находится, необычайно трудно»⁶. Значение фантазма в отношениях желания и объекта заключается в том, что реализация и манифестация влечений становятся возможными как обмен означаемыми по поводу означющих.

Таким образом, фантазм позволяет означаемым смерти присутствовать в символическом порядке, не нарушая при этом либидозной направленности частичных влечений. Наслаждение, достижение цели влечений является побочным следствием некоторого обмена, так называемым «прибавочным наслаждением». Таким образом, для достижения любой цели (в том числе и смерти) субъект вынужден обращаться к Другому, участвовать в символическом обмене по поводу означющих (в том числе, и означаемых смерти). «Мое» Я обретается лишь в той ситуации, когда появляется Другой, «мое» наслаждение возможно лишь там, где есть фантазм, заменяющий Другого в этом символическом порядке. Благодаря этому возможно влечение к смерти как влечение к ее повторению, а не как простое суицидальное желание. Субъект получает наслаждение, оставаясь при этом до времени живым.

Лакановская трактовка связи между влечением к смерти и символическим порядком и его означаемыми развивалась вместе с его теорией дискурсивных структур бессознательного. В той мере, в какой действительность символизирована бессознательным, заключена в символическую систему, вещь как таковая оказывается представлена в слове, в своем понятии, а не в непосредственной данности, в Реальном.

Состоящий из означющих язык представляет собой синхроническую структуру, бессмысленный автономный механизм, производящий смысл в качестве своего следствия. В таком случае влечение к смерти отождествляется с символическим порядком: по словам самого Лакана, влечение к смерти – это не что иное, как маскировка символического порядка. Главное здесь – это оппозиция между уровнем воображаемого, на котором воспринимается смысл, и уровнем «бессмысленного» механизма означаемого/означающего, где смысл производится. На уровне воображаемого господствует принцип удовольствия, стремящийся к установлению гомеостаза; символический порядок в своем слепом автоматизме постоянно нарушает этот гомеостаз и располагается «по ту сторо-

ну принципа удовольствия». Человеческое бытие, захваченное системой означающих, омертвляется и становится частью странного механического порядка, разрушающего его природный гомеостаз (один из примеров тому – навязчивое повторение). Но при этом именно символический порядок как таковой и есть область осуществления принципа удовольствия. Бессознательное «структурировано как язык», его «первичный процесс» метонимически-метафорического смещения управляется принципом удовольствия; все, что лежит за этими пределами, относится не к символическому порядку, а к ядру Реального, к травматической сердцевине. Для обозначения этих процессов Ж. Лакан использовал термин З. Фрейда: *das Ding*, Вещь как инкарнация непостижимого наслаждения⁷.

Символический порядок стремится к сохранению гомеостаза, но в его сердцевине, в самом его центре существует некий странный, травматический элемент, который не может быть символизирован, интегрирован в символический порядок, – это Вещь. На этом уровне влечение к смерти четко противопоставлено символическому порядку: влечение к смерти – это возможность «второй смерти», полной аннигиляции символической структуры, конституирующей «действительность». Само существование символического порядка включает в себя возможность полного стирания, «символической смерти» – уже не просто смерти «реального объекта» в своем символе, а уничтожения, стирания системы означающих вообще. Поэтому влечение к удовольствию как влечение к смерти и может осуществляться лишь на уровне символического порядка. «Реальной» смерти для человека нет и не может быть, как и не может быть «реального» источника наслаждения. Как говорит Ж. Лакан: «смерть никогда не может быть испытана как таковая, она никогда не является реальной»⁸.

Место субъекта в символическом порядке ярче всего обнаруживает симптом, как нечто, что не может быть полностью в этот порядок включено. То «место», где в структуре бессознательного сильнее всего заметны «разрывы» и «раны», в структуре «речи-

запроса» субъекта появляется симптом как особое означающее. Симптом рассматривается Ж. Лаканом как белое пятно, пробел, как избежавший символизации воображаемый элемент истории субъекта. Процесс психоанализа и есть процесс символизации этих белых пятен, их интеграция в символический мир субъекта. Анализ ретроактивно придавал смысл тому, что первоначально было бессмысленным следом. Таким образом, финал лечения совпадал с тем моментом, когда субъект оказывался способен рассказать Другому свою полную «историю», когда его желание интегрировалось и распознавалось как «полная речь».

Но при этом то, что собственно и делает симптом болезненным, и есть символический порядок как нечто омертвляющее субъекта, вмещающее ему некую травматическую утрату (имя этой утраты, этой нехватки – «символическая кастрация»). Ж. Лакан считал, что анализ подходит к концу тогда, когда субъект готов принять эту фундаментальную утрату, готов согласиться с символической кастрацией в качестве неизбежной платы за успех его желания. В этот момент и появляется фигура Другого, объект «а» и фантазм как конструкция, позволяющая субъекту согласиться с этим травматическим ядром.

Но какое отношение такая символическая смерть имеет к той физической смерти, которую принято называть «настоящей»? Для того чтобы настоящая смерть могла произойти в том поле означающих, в котором только и может существовать субъект, смерть должна пройти процесс символизации, должна быть «представлена представителями». Но эти две смерти могут и не совпадать ни во времени, ни в Реальном, и здесь, в этом промежутке рождается то, что принято называть «трагическим». В качестве примера такого понимания «трагического» Ж. Лакан сравнивает две литературные смерти: Антигоны и отца Гамлета⁹. Для Антигоны ее символическая смерть, исключение из символической общности полиса предшествует действительной смерти и придает ее образу возвышенность и красоту. Полная противоположность этому – призрак отца Гам-

лета. Его действительная смерть не повлекла за собой смерти символической, «сведения счетов», и он возвращается как ужасное видение до тех пор, пока долг ему не будет отдан. Этот промежуток «между двумя смертями», где обитают как возвышенная красота, так и чудовищные монстры, – это место *das Ding*, место реального травматического ядра в самом средоточии символического порядка. Это «место» открывается процессами символизации и историзации – историзация предполагает некое пустое место, внеисторическое ядро, вокруг которого артикулируется символическая система. Другими словами, человеческая история отличается от животной эволюции именно этой соотносительностью с внеисторическим «местом», топосом, который «не может быть» символизирован, так как символизация происходит ретроактивно. Как отмечал С. Жижек в своей работе «Возвышенный объект идеологии»: «как только “грубая”, предсимволическая действительность символизируется и историзируется – это сразу “засекречивает”, закрывает пустое, “неудобоваримое” место Вещи»¹⁰.

Эта соотносительность с пустым местом Вещи позволяет постигнуть возможность полной, тотальной аннигиляции системы означающих. «Реальная», или «вторая», смерть, радикальное разрушение природного круговорота мыслимо только в той мере, в какой этот круговорот уже символизирован и историзирован, уже вписан, уже пойман в символическую паутину: «абсолютная смерть», «разрушение вселенной» – это всегда разрушение символической вселенной. Фрейдовское «влечение к смерти» – это не что иное, как точное теоретическое выражение садовского понятия «второй смерти» – возможность тотального «стирания» исторической традиции открывается самим процессом символизации-историзации и выступает радикальным, саморазрушительным пределом этого процесса¹¹.

Таким образом, взамен традиционного фрейдовского дуализма влечения к смерти и

влечения к жизни Ж. Лакан предлагает новую оппозицию – противостояние символического порядка присущему человеку желанию повторять свою смерть. То, что З. Фрейд считал репрессивными функциями Сверх-Я, оказывается направлено не просто против удовольствия, а, в первую очередь, против удовольствия от смерти. Порядок символизации смерти определен не столько внутренним опытом субъекта, сколько дискурсом Другого. Для того чтобы субъект отсрочил свою «вторую», или «реальную», смерть, она должна существовать для него лишь в качестве «первой», в качестве «рассказа» Другого о смерти другого.

Смерть предстает субъекту лишь как «символическая», то, что есть в ней «реальное», полностью совпадает с тем, что бессознательное есть само по себе, онтологически – «нехватка», «зияние» и т.д. И функция смерти заключается в том, чтобы восстановить то положение структуры бессознательного, которое было нарушено появлением элемента означающего.

Примечания

¹ См.: Фрейд З. Психология бессознательного / З. Фрейд. М., 1990. С.405.

² См.: Вагин Ю.Р. Влечение к смерти (Диалог со Шмидт-Хеллерау) / Ю.Р. Вагин. Пермь, 2004. С.45.

³ См.: Там же. С.41.

⁴ Лакан Ж. Семинары. Кн.11. Четыре основные понятия психоанализа / Ж. Лакан. М., 2004. С.50.

⁵ Титова М. Читая Лакана: Реальное субъекта / М. Титова // Логос. 1994. №5. С.192.

⁶ Лакан Ж. Семинары. Кн.2. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа / Ж. Лакан. М., 1999. С.306.

⁷ См.: Лакан Ж. Семинары. Кн.7. Этика психоанализа / Ж. Лакан. М., 2006. С.73.

⁸ Лакан Ж. Семинары. Кн.1. Работы Фрейда по технике психоанализа / Ж. Лакан. М., 1999. С.295.

⁹ См.: Лакан Ж. Семинары. Кн.7. Этика психоанализа / Ж. Лакан. М., 2006. С.73. С. 347–370.

¹⁰ Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М., 1999. С.138.

¹¹ Там же. С.140.